

УДК 340.143; 304.42

НА ПУТИ К ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМУ РАЗВИТИЮ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: «СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА 2017–2030 гг.»

С. В. Тихонова

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор социальных коммуникаций, Саратовский национально-исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, segedasv@yandex.ru

Введение. Статья посвящена к анализу политико-правовой модели информационного общества, сформулированной в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.». Теория информационного общества предлагает весьма абстрактные представления о своем объекте, нуждающиеся в конкретизации и детализации в доктринальных документах с учетом наличного этапа социального и технологического прогресса. Эволюция информационных отношений порождает новые риски на пути устойчивого государственно-правового развития, что не может не влиять на проект строительства информационного общества. Целью статьи является анализ новой модели информационного общества, ее элементов, связанных с принятием Доктрины информационной безопасности, отразившей изменения в понимании государственных целей и задач в условиях цифрового мира. **Методы.** Опираясь на системный, структурно-функциональный подходы, формально-юридический и сравнительный методы, исследуются принципы, дефиниции, цели и задачи нового документа. **Результаты.** Особое внимание уделяется вводимой в Стратегию-2017 системе понятий: предлагается их классификация и устанавливаются инструментальные связи между ними. Выявляя новации в интерпретации информационного общества, выявляются их идейные и доктринальные источники, связанные с общей телеологией документа. Важной особенностью Стратегии-2017 является формирование не только позитивной модели информационного общества, связанной с развитием общества знания, но и модели негативной, формируемой в результате усилий геополитических конкурентов Российской Федерации. **Обсуждение.** Положения Стратегии-2017 не только направлены на решение проблемы технологической безопасности, ускорение экономического развития и модернизацию социальной сферы, они ориентированы на масштабное совершенствование законодательства, что позволяет оценивать Стратегию-2017 как манифест политико-правового развития страны в цифровую эпоху.

Ключевые слова: информационное право, правовая доктрина, правовая политика, информационное общество, электронное государство.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-452-457

Введение

Теория информационного общества – одна из самых влиятельных в современном социогуманитарном знании – редко оперирует точными понятиями в силу своего принципиально прогностического характера. Тем не менее, именно

она устанавливает ключевые ориентиры социального развития. Переход к реальному построению информационного общества сделал особенно актуальной проблему детализации его модели. Практический выбор того или иного направления требует ясного понимания, что именно можно усовершенствовать в системе общественных отношений с помощью информационно-коммуникационных технологий, которые, в свою очередь, непрерывно развиваются. Гуманизация цифрового технологического развития, подчинение его насущным потребностям построения справедливого демократического общества и правового государства невозможна без теоретической, концептуальной проработки социального проекта. Ее осуществление является задачей доктринальных документов, формулирующих программу планируемых преобразований, обеспечивающую их правовую политику. Правовой статус таких документов до конца не определен (исключением являются: а) документы, принятие которых предусмотрено Федеральным законом «О безопасности»; б) Военная доктрина РФ, утверждение которой – конституционное право Президента РФ) и дискусионен [1], тем не менее, именно в них определяются стратегические цели, приоритеты государственной политики или фиксируются официальные взгляды на таковые.

Главная цель статьи – анализ новой доктринальной модели информационного общества и ее элементов, отражающих изменения в понимании государственных интересов в цифровом мире, сформулированных в «Доктрине информационной безопасности» от 5 декабря 2016 г. и конкретизированных в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» от 9 мая 2017 г.

Методы

В исследовании были применены системный и структурно-функциональный подходы, сравнительный и формально-юридический методы.

Результаты

Категория «информационное общество» прочно вошла в лексикон отечественных доктринальных документов, однако ее четкое опре-

деление оставалось нерешаемой проблемой для ученых-правоведов. Как справедливо отмечает Т. А. Полякова, в международных правовых документах содержатся лишь признаки этого понятия, на основании которых и разрабатываются различные национальные стратегии построения информационного общества [2, с. 21]. Важным шагом в конкретизации понятия «информационное общество» стала новая «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.», утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. [3] (далее – Стратегия-2017). Она является специализированным доктринальным документом, посвященным развитию информационного общества в России. В ней не только предлагается понятие информационного общества, но выстраивается довольно подробная модель его элементов. Инновационность рассматриваемого документа особенно высока, если учитывать, что ранее действовавшая «Стратегия развития информационного общества в РФ» от 7 февраля 2008 г. [4] понятия информационного общества не содержала. В ней только отмечалось, что «информационное общество характеризуется высоким уровнем развития информационных телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти» (ст. I).

Однако можно с полным основанием утверждать, что Стратегия-2008 стала концептуальной основой нового документа, между старой и новой стратегиями существует глубокая преемственность. Базовым предназначением Стратегии-2008 было обеспечение РФ «достойного места среди лидеров глобального информационного общества», а в качестве цели построения информационного общества в РФ заявлялось «повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления» на основе использования информационно-коммуникационных технологий (ст. III). На время принятия Стратегии ее главная цель интерпретировалась как «инвестиции в человека, инвестиции, которые ведут к повышению производительности труда и, в конечном счете, к повышению качества жизни» [5, с. 24].

За период реализации Стратегии-2008 вскрылись проблемы и противоречия в развитии информационного общества, главными из которых, как отмечают специалисты, оказались проблемы информационной безопасности [6, с. 93]. К росту интернет-преступности добавилась угроза «цветных» революций, поставив под вопрос оправданность существования Интернета

как серой анонимной зоны саморегулирования. Перед государством, гражданским обществом, научным сообществом встала задача корректировки действовавшей на тот момент Доктрины информационной безопасности, учета новых вызовов и угроз национальной безопасности России в цифровом мире. Эта задача была решена посредством принятия новой Доктрины информационной безопасности от 5 декабря 2016 г., утвержденный проект которой, по справедливому мнению А. В. Минбалеева, отражал «реальное состояние современного информационного общества и многочисленные информационные угрозы национальным российским интересам в информационной сфере» [7, с. 66].

В отличие от большинства доктрин, относящихся к так называемому мягкому праву, в новой Доктрине информационной безопасности предусмотрены обязательность мониторинга реализации ее положений и представление их в ежегодном докладе Секретаря Совета безопасности РФ Президенту РФ. И хотя в этой Доктрине пересмотр Стратегии развития информационного общества прямо не предусмотрен, взаимосвязь между принятием новой Доктрины информационной безопасности и новой Стратегии развития информационного общества представляется очевидной и закономерной. Полагаем, что именно влиянием Доктрины информационной безопасности определяется изменение в понимании государственных целей и задач в строительстве информационного общества, результатом которого и стало появление новой его модели. В рамках данной статьи мы обозначим и сформулируем основные ее элементы.

Первый раздел Стратегии-2017 конкретизирует ее принципы и устанавливает систему используемых понятий. Принципы формулируются на основе концептуальных элементов права на информацию, сочетающих свободу индивида и интересы государства и общества. Инновационным является принцип, предусмотренный п. 8 ст. 3: «...сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг». Теории информационного общества, как правило, исходят из представлений о необходимости переходного периода, за который произойдет полный перевод общественных отношений на платформу цифровых носителей и технологий. При этом всегда предусматриваются меры по сокращению и сглаживанию переходного периода. В Стратегии же предусматриваются меры поддержки традиционных средств распространения информации, к которым отнесены радио- и телевидение, печатные СМИ и библиотеки (п. «у» ст. 26), а также инфраструктуры традиционных услуг связи, к которым отнесены почта и электро-связь (п. «д» ст. 32). Эту инновацию можно рассма-

тривать, во-первых, как косвенное свидетельство того, что информационное общество в стране уже сформировано, и, во-вторых, как признание роли традиционных средств коммуникации в формировании национальной культуры, сбережению и продвижению которой в документе отводится немалое место. Кроме того, вопрос о том, нужны ли в информационном обществе традиционные средства коммуникации, в каком объеме и для решения каких задач, сам по себе интересен и заслуживает отдельного исследования.

Базовые понятия Стратегии-2017 расположены в классическом алфавитном порядке. Можно условно разделить их на общесоциальные, узкосоциальные, технологические. Общесоциальные понятия фиксируют общий уровень социального развития в цифровую эпоху, узкосоциальные описывают ИКТ-платформы организации социального управления, технологические устанавливают новые, прорывные и ключевые среди существующих информационно-коммуникационные технологии.

К общесоциальным (и наиболее для нас интересным) относятся два понятия – «информационное общество» и «общество знаний». Под первым авторы Стратегии понимают «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан»; под вторым – «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» (п. «г» ст. 4; п. «л» ст. 4). Сопоставление этих двух понятий показывает, что для того чтобы информационное общество трансформировалось в общество знания, информация, определяющая его развитие, должна обладать определенным качеством – быть достоверной, а операции с ней должны быть подчинены стратегическим национальным приоритетам РФ.

К узкосоциальным относятся такие понятия, как «информационное пространство», «инфраструктура электронного правительства», «критическая информационная инфраструктура РФ», «Национальная электронная библиотека», «объекты критической информационной инфраструктуры», «цифровая экономика», «экосистема цифровой экономики». В целом они описывают механизмы перевода управления основными сферами жизни общества и коммуникации между ними на цифровые электронные платформы с помощью интернет-сервисов и приложений. В перспективе построение объектов, соответствующих этим понятиям, позволит связать центры управ-

ления в различных сферах общественной жизни в единую эффективную систему государственно-правового управления. Показательно, что хотя в Стратегии-2017 активно используются понятия «электронное правительство» и «электронная демократия», уже вошедшие в терминологический аппарат правовой науки, категория «электронное государство» в ней не употребляется. Вероятно, такое терминологическое запаздывание связано с характерной для теории права «тупиковой ситуацией в осмыслении феномена государства» [8, с. 39], требующей серьезной модернизации правового раздела государствоведения в части представлений о современных государствах.

К технологическим относятся все остальные понятия. Важно отметить, что среди понятий этой группы присутствуют как и вполне рабочие, даже рутинные для граждан технологии, так и технологии «завтрашнего дня» – «индустриальный интернет», «интернет-вещей», «туманные вычисления» и т.д., ориентированные на принципы работы планируемых сетей 5G. Связь пятого поколения сможет обеспечить сверхскоростной Интернет в городах (при сохранении форматов 3G и 4G там, где нет потребностей в передаче мегаобъемов контента и работе гаджетов в режиме always online), переход телевидения на мобильное вещание, инфраструктуру межмашинного взаимодействия и беспилотных автомобилей, а также работу web 4.0 (независимо от того, какой она окажется в действительности). Более того, Стратегия-2017 оперирует даже такими терминами, как «искусственный интеллект», «биотехнологии», «конвергентные технологии» и «конвергенция сетей», радикально революционными для информационного пространства страны. Инфраструктура информационного общества, конституируемая в Стратегии, весьма высоко технологична. Вышеизложенное позволяет констатировать отказ от принципа технологической нейтральности как существенную особенность анализируемого документа.

Второй раздел Стратегии-2017 содержит оценку достигнутых результатов, демонстрирующих полномасштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий в социальную, политическую жизнь страны, а также переход к цифровой экономике. Включение России в современное информационное общество оценивается не только с точки зрения преимуществ, но и в перспективе рисков. К последним относятся, во-первых, доминирование в российском информационном пространстве, включая объекты критической информационной инфраструктуры, информационно-коммуникационных технологий иностранного происхождения, а, значит, уязвимость системы национальной

информационной безопасности; во-вторых, негативные социально-психологические эффекты развития информационного общества. Авторы Стратегии связывают с информационно-коммуникационными технологиями распространение «клипового мышления», которое в силу поверхностности восприятия информации индивидами облегчает другим государствам идеологическое воздействие на россиян. В-третьих, следует указать отсутствие международно-правовых механизмов защиты государственного суверенитета в Интернете; в-четвертых, дисбаланс в развитии информационной инфраструктуры и становлении общества знаний.

Обсуждение

На основе анализа рисков авторы Стратегии-2017 формируют имплицитные модели «неправильного» и «правильного» информационного общества. В «неправильном» информационном обществе информационно-коммуникационные технологии становятся инструментом манипуляции массами, причем субъектом манипуляции являются наиболее могущественные в информационном отношении страны (США прямо в Стратегии-2017 не упоминаются, но в этом нет особой необходимости, учитывая сложившуюся систему управления Интернетом), ориентированные на передел мирового порядка. В «правильном» информационном обществе информационно-коммуникационные технологии способствуют росту национального благосостояния, развивая человеческий капитал и охраняя национальные духовно-нравственные ценности. Этот концептуальный ракурс усиливается прямым обращением к модели общества знания, создание условий для развития которого и провозглашается главной целью Стратегии-2017.

Понятие «общество знания» возникло еще в 60-е гг. XX в. для обозначения достигнутого тогда этапа посткапиталистического развития. П. Друкер, Ф. Махлуп, Д. Белл, Р. Лэйн описывали его как результат повышения роли индустрии знания в экономике и снижения роль политических идеологий в духовной жизни. Информация, по их мнению, является только «сырьем» для производства знаний, поэтому в обществе знания инфраструктура информационного общества подчиняется задачам развития человеческого капитала и перманентному обновлению профессиональных компетенций граждан. Второе дыхание концепция общества знания получило благодаря всемирному докладу Юнеско «К обществам знания» 2005 г. (далее – Доклад-2005). Всемирные доклады данной организации – особый вид документов, концентрирующих философское обобщение огромного массива эмпирической статистической

информации, отражающей особенности развития общечеловеческой цивилизации. В Докладе-2005 сформирована масштабная панорама устойчивого развития коммуницирующих гуманистических обществ знания, этическая аксиология (нравственность/богатство) которой, по меткому замечанию В. Г. Буниной, трактуется авторами Доклада-2005 скорее в католико-просветительском, нежели протестантско-веберовском духе [9, с. 24]. Духовные основания цивилизационного развития однозначно получают приоритет перед материальными достижениями, к которым относятся и новые технологии медиасферы.

Если информационное общество в Окинавской хартии позиционировалось как глобальное, планетарное, то множественное число в обозначении обществ знания в Докладе-2005 подчеркивает их плюрализм и многообразие. Этот подход обнаруживается и в дефиниции обществ знания: «...это общества, источником развития которых являются собственное многообразие и собственные способности» [10, с. 19]. Как полагают авторы Доклада-2005, единственной, универсальной модели информационного общества не существует. Далее они акцентируют принципиальную важность соединения накопленных в конкретном обществе знаний с новыми технологиями их производства. Предлагаемая ими стратегия развития требует серьезных усилий не только от государств, но и от каждого индивида: «...в обществах знания каждый человек должен будет уметь свободно ориентироваться в потоке информации, который нас захлестывает, и развивать когнитивные способности и критический ум, чтобы отличать “полезную” информацию от бесполезной» [10, с. 21]. В позиции Доклада-2005 отчетливо проявляется влияние образовательной идеологии «life long learning» (непрерывного образования на протяжении жизни), доминирующей в большинстве современных концепций национальных систем образования и в Болонских документах. Здесь идея «общества знания» максимально сближается с идеей «обучающегося общества».

Инструментальный статус информации по отношению к знанию, ее недостаточность для достижения высоких гуманистических идеалов социального развития – ключевая идея Доклада-2005, ориентированного на рост коллективного, рационального и критического использования информации для общего блага. Информационно-коммуникационные технологим должны быть основой новой солидарности, творчества, инноваций и этического порядка, продолжающего традиции классического гуманизма (отсылки к эпохе Возрождения весьма характерны для Доклада-2005). При этом их развитие в формате общества знания возможно только при условии «развития новых

когнитивных и правовых инструментов» [10, с. 25]. Эта идея весьма актуальна в контексте развития права как «цивилизационно-ценностного нормативного регулятора общественных отношений, ... универсального посредника между интересами и потребностями личности и многообразной деятельностью государства» [11, с. 163].

Идеи Доклада-2005 об обществах знания вошли в серию международных документов, посвященных информационному обществу. Развиваемая ими идеология многополярного мира оказалась особенно актуальной в современных внешнеполитических условиях. Этим и объясняется востребованность модели общества знания в Стратегии-2017.

Важным достижением новой Стратегии стало упорядочение системы задач за счет определения ключевых приоритетов в построении информационного общества, обеспечивающих такие национальные интересы, как развитие человеческого капитала; обеспечение безопасности граждан и государства; повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве; развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления; повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы; формирование цифровой экономики. Каждый из приоритетов развивает и уточняет основные направления реализации Стратегии-2008, отвечает конкретному национальному интересу и детализуется в посвященной ему рубрике (каждая рубрика содержит от 3 до 7 статей). Во всех приоритетах присутствуют национально-государственные аспекты, подчиняющие формулируемое направление построения информационного общества интересам устойчивого развития страны.

На основе конкретизации приоритетов в четвертом разделе Стратегии-2017 излагается приоритетный сценарий развития информационного общества в России, в соответствии с которым государство в РФ выступает активным субъектом строительства информационного общества, используя как бюджетные, так и частные инвестиции для развития прорывных российских информационно-коммуникационных технологий, конкурентоспособных на мировом уровне. Отечественные информационно-коммуникационные технологии применяются в работе национальных технологических онлайн-платформ образовательных, медицинских, финансовых, государственных, муниципальных, библиотечных и иных услуг. Гражданам доступны и сами услуги, и информация о них. Цифровая экономика ускоряет темпы роста российского ВВП.

Таким образом, Стратегия-2017 предлагает продуманную модель информационного общества, что является серьезным достижением на пути конкретизации его легального понятия. Хотя положения Стратегии-2017 затрагивают в основном проблемы технологической безопасности, экономического развития и модернизации социальной сферы, важным ее достижением выступает предусмотренное ст. 46 совершенствование законодательства, не только содержательное, осуществляющее включение в механизм правового регулирования новых информационных отношений, но и формальное (в электронной форме). Таким образом, Стратегию-2017 можно рассматривать как манифест политико-правового развития страны в цифровую эпоху.

Список литературы

1. *Ирошников Д. В., Нестеров С. В.* Понятие и классификация концептуальных и доктринальных документов Российской Федерации // *Правовая инициатива*. 2013. № 7. С. 7.
2. *Полякова Т. А.* Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 38 с.
3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. : утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2017. № 20, ст. 290.
4. Стратегия развития информационного общества в РФ : утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212 // *Рос. газ*. 2008. 16 февр.
5. *Шерстюк В. П.* О стратегии развития информационного общества в России // *Информационное общество*. 2008. № 1–2. С. 20–24.
6. *Ханай А. А.* Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации : инновационные подходы реализации на современном этапе // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 17. С. 90–94.
7. *Минбалева А. В.* Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : современное состояние и перспективы развития // *Вестн. УрФУ. Безопасность в информационной сфере*. 2016. № 3 (21). С. 62–66.
8. *Пономарева И. П.* Государство : истина и мифы // *Журнал российского права*. 2016. № 12 (240). С. 38–47. DOI: 10.12737/22718.
9. *Бунина В. Г.* От информационного общества к обществам знания // *Вестн. РУДН. Сер. Социология*. 2010. № 2. С. 16–26.
10. *К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО*. Париж : ЮНЕСКО, 2005. 239 с.
11. *Рыбаков О. Ю.* Тенденции развития российской правовой политики // *Изв. вузов. Правоведение*. 2004. № 3 (254). С. 156–164.

Образец для цитирования:

Тихонова С. В. На пути к политико-правовому развитию информационного общества: «Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 452–457. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-452-457.

On the Path to Political-Legal Development of the Information Society: “The Strategy of Information Society Development in the Russian Federation for 2017–2030”

S. V. Tikhonova

Sophia V. Tikhonova, ORCID 0000-0003-2487-3925, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, segedasv@yandex.ru

Introduction. The article deals with the analysis of the political and legal model of the information society from the “Strategy of information society development in the Russian Federation for 2017–2030”. The information society theory offers a very abstract idea of its object. These representations are specified and detailed in doctrinal documents, depending on the current phase of social and technological progress. Evolution of information relations creates new risks to sustainable state-legal development. They affect the project construction of the information society. The main objective is the analysis of a new model of the information society, its elements, associated with the adoption of the “Doctrine of information security” that reflect changes in the understanding of the state goals and objectives in a digital world and refined “Strategy of information society development in the Russian Federation for 2017–2030”. **Methods.** The author used systemic, structural-functional approaches, formal-legal and comparative methods. **Results.** The author explores the principles, definitions, goals and objectives of the new document. Special attention is paid to introducing in Strategy-2017 the system of concepts: offer their classification and determine the instrumental relations between them. The author identifies the innovations in the information society interpretation, define their ideological and doctrinal sources, and relate it and the general teleology of the document. An important feature of the Strategy-2017 is not only the formation of positive model of the information society defined as a knowledge society, but also the offered negative model. The last is generated as a result of the efforts of the geopolitical rivals of the Russian Federation. **Discussion.** The Strategy-2017 statements are not only aimed at solving problems of technological security, accelerated economic development and modernization of the social sphere. They are focused on large-scale improvement of legislation that allows evaluating the Strategy-2017 as a Manifesto of political and legal development in the digital age.

Key words: information law, legal doctrine, legal policy, information society, electronic government.

References

1. Iroshnikov D. V., Nesterov S. V. Poniatie i klassifikatsiya kontseptual'nykh i doktrinal'nykh dokumentov Rossiiskoi Federatsii [The concept and the classification of the conceptual and doctrinal documents of the Russian Federation]. *Pravovaya initsiativa* [Legal initiative], 2013, no. 7, p. 7 (in Russian).
2. Poliakova T. A. *Legal support of information security in developing information society in Russia*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.) Moscow, 2008. 38 p. (in Russian)
3. Strategy of information society development in the Russian Federation for 2017–2030, approved by the decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 20, art. 290.
4. Strategy of information society development in the Russian Federation, approved of the President of the Russian Federation of 07.02.2008 No. Pr-212. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2008, 16 February.
5. Sherstiuk V. P. O strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossii [The strategy of the information society development in Russia]. *Informatsionnoe obshchestvo* [Information society], 2008, no. 1–2, pp. 20–24 (in Russian).
6. Khapay A. A. The Strategy of information society development in the Russian Federation: innovative approaches of implementation at the present stage. *Theory and practice of social development*, 2015, no. 17, pp. 90–94 (in Russian).
7. Minbaleev A. V. The Information security doctrine of the Russian Federation: current state and prospects of development. *Vestnik UrFO. Bezopasnost v informatsionnoi sfere* [UrFR Newsletter. Information Security], 2016, no. 3 (21), pp. 62–66 (in Russian).
8. Ponomareva I. P. State: Truth and Myths]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 12 (240), pp. 38–47. DOI: 10.12737/22718 (in Russian).
9. Bunina V. G. Ot informatsionnogo obshchestva k obshchestvam znaniya [From information society to knowledge societies]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Sociology], 2010, no 2, pp. 16–26 (in Russian).
10. *Towards knowledge societies. UNESCO world report*. Paris, UNESCO Publ., 2005. 226 p. (Rus. ed.: K obshchestvam znaniya. Vsemirnyi doklad YUNESKO. Parizh, 2005. 239 s.).
11. Rybakov O. Ju. Tendencies in Development of Russian Legal Policy. *Proceedings of higher educational institutions. Pravovedenie*, 2004, no. 3 (254), pp. 156–164 (in Russian).

Cite this article as:

Tikhonova S. V. On the Path to Political-Legal Development of the Information Society: “The Strategy of Information Society Development in the Russian Federation for 2017–2030”. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 452–457 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-452-457.